

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2012" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2012 года.

1 место

Конкурсное стихотворение номер 222.

О тишине

А на закуску – мир, где тишина
хранит слова, как выцветший пергамент,
среди следов, оставленных ногами
случайных ближних, приходивших к нам –

зачем? не помню (думаю, что вру),
скорей всего – за солью, по-соседски,
а заодно – посетовать на сердце
и на детей, отбившихся от рук,

и помолчать, рисуя на стекле
и посыпая пеплом подоконник –
как будто им от этого спокойней,
как будто нам от этого теплей.

Чужих забот простая нагота
как щебет птиц оглохшему от взрыва,

который так неосторожно вырвал
из недр земли кричащую гортань.

Совсем недавно были – и ушли,
так далеко еще не уходили,
а мы остались – прах забытый или
вернувшаяся в землю соль земли?

В безмолвном мире старые слова
приобретают странные оттенки,
как в пламя спяну брошенные деньги
и как пожар в пустых глазах зевак.

2 место

Конкурсное стихотворение номер 204.

Татка

Татка, не плачь. Это время такое гнилое.
Если не мяч, так развод, не развод, так киста.
Лето – как мачеха: серое, дымное, злое.
Грязной водой размывает опоры моста.

Татка, я выросла видишь какая большая?
Ноги стоят на земле, голова – в облаках.
Спит в волосах журавлей перелетная стая,
И прорастает лопух на невытых руках.

Я подержу тебя в теплых чумазах ладонях.
Здесь не бывает ни ветра, ни мокрых снегов.
Татка, твой мяч никогда, ни за что не утонет.
Я эту реку не выпущу из берегов.

Татка, вот деньги. Возьми и настрой фортепьяно.
Я до утра подлатаю трухлявый мосток.
Гаммы Шопена толпятся и плачутся пьяно,
Ходит во тьме ходуном золотой молоток.

Татка, мы живы. За нами последнее слово.
Брезжит за мутными окнами зимний рассвет.
Можешь играть без опаски. Я выловлю снова
Мяч из реки, у которой названия нет.

3 место

Конкурсное стихотворение номер 9.

Сыктывкарский шаман

Памяти друга

Вавилов, пасынок Вавилона,
проездом в вечность гостил у нас,
на бренном ложе, на скорбном лоне,
перебиваясь с воды на квас.
И от него я узнал на коми,
что значат "парма" и "Сыктывкар".
Да, он был трагик, да, он был комик,
Дедал – делами, душой – Икар.
Он строил башню, кричал, как баньши,
умел музы'кам и языкам,
был хитромудрым, был бесшабашным,
но пал однажды его секам.
Он знал, как роят, как матом кроют,
то он был мягок, то он был строг,
и о поэтах твердил порою:
попса, мол, Саша, а Миша – рок!
Водил руками, ходил кругами –
и выходил на последний круг,
гулял с богами, бухал с врагами,
пастух Пегаса и Музы друг.
Он знал и помнил, но взял – и помер,
не попрощавшись, ушёл в астрал...
А я утратил небесный номер,
небесный адрес я потерял.

4 место

Конкурсное стихотворение номер 57.

* * *

Синоптики пророчат неполадки
В настройке неба: кляксы,
Спамер-ветер.
У октября –
Февральские повадки,

А я по-бабски –
Думаю о лете.
В летах –
Тепло ценней.
Острее –
Пища.
Циничней –
Ум.
Нутро –
Сентиментальной.
Окладистей –
У шуток бородачи.
Покладистей
Охранник мой ментальный.
Смирясь, ждешь на сумрачной неделе
С неангельским терпением азиатки:
Случится ли на метеопределе
Краюшка солнца между тучной кладки.

Пока я философствую про это,
Февральствую –
Октябрь, увы, неласков,
Синоптики взлетают клином в лето,
На Красноморье.
Мягких им ... осадков.

5 место

Конкурсное стихотворение номер 127.

Одна жизнь Даштратха Манджхи

Дело было недавно, почти вчера. Засекай полвека до наших дней.
Деревушка в Бихаре, над ней гора. И тропа в обход. И гора над ней.
Путешествие в город съедало дни, напрямик по скалам - смертельный риск.
Вот крестьяне и жили то вверх, то вниз. Да и что той жизни - навоз да рис.

Он - один из них, да, считай любой,
И жена-хозяйка, считай - любовь.
И гора смолола её, урча,
В хороводе оползня закружив.
До больницы день. Это птицей - час,
А, когда телегой, возможно, жизнь.

Тишина скользнула к его виску, прошуршала по глиняному порогу.

Неуклюже щерилась пасть окна, свежесломанным зубом белел восход.
И тогда крестьянин достал кирку и отправился делать в горе дорогу,
Потому что, если не можешь над, остаётся хотя бы пытаться под.

- Здравствуй, гора, - и удар киркой - это тебе за мою жену,
За скрип надежды по колее, бессилие, злость и боль.
- Здравствуй, гора, - и удар киркой - это тебе за то, что одну
Жизнь мне суждено провести в этой борьбе с тобой.

Он работал день, он работал два, он работал неделю, работал год.
Люди месяц пытались найти слова, а потом привыкли кормить его.
Догорит геройства сырой картон, рассосётся безумия липкий яд,
Только дело не в "если не я, то кто", и не в том что "если никто, то я".

- Здравствуй, гора, к чему динамит, я буду душить тебя день за днём,
Ломать твои кости, плевать в лицо, сбивать кулак о твою скулу.
- Здравствуй, гора, к чему динамит, ты ещё будешь молить о нём
Все эти двадцать калёных лет, двести палёных лун.

И гора легла под кирку его.
И дорога в город, примерно, час.
Потому что время сильнее гор,
Даже если горы сильнее нас.
Человек-кирка. И стена-стена
Утирает щебня холодный пот.
Потому что птицы умеют над,
Но никто иной не сумеет под.

Помолчим о морали, к чему мораль. Я бы так не смог, да и ты б не смог.
Деревушка в Бихаре, над ней гора. У горы стоит одинокий бог.
Человек проступает в его чертах, его голос тих, но удар весом.
Человек просто жил от нуля до ста. Да и что той жизни - земля да соль.

6 место

Конкурсное стихотворение номер 248.

Шелест ветра

В краю, где в чести достархан и коран,
где льдами сверкают Небесные горы,
свой короб ещё не открыла Пандора,
и мир архаичен, скуласт, первоздан.
Там, в детстве азийском, как сон, безмятежном,
щербетное лето и матери нежность,

знакомый чайханщик, базар да казан.
А в утреннем парке, лучами согрет,
картавит арык, терпелив и смиренен,
и каплет на кипы лиловой сирени,
кораллово-розов, диковинный свет.
Там в сумерках ранних рассветной нирваны
над озером горным текучи туманы,
и времени нет...

Там лбы обжигает полуденный зной,
дыханье песков раскалённой пустыни
несут суховеи в барханной гордыне,
в их шелесте – хриплый напев горловой,
поверья седые о жизни, о смерти,
о битве и небе... И беркуты чертят
в потоках круги над моей головой...
И матери голос, и шорох страниц -
кочевников древние кличи ли, притчи ль,
и эпос суровый, и старый обычай...
Путь звёздный омыт молоком кобылиц,
бредут облака, как овечьи отары,
о дружбе поёт манасчи сухопарый,
как плод, смуглолиц...

Но век изувечен, прими и трезвей,
дурманном вином межусобиц и розни
отравлены недра, и воды, и воздух...
И каменным Янусом, неба немей,
Евразии сторож – двуглавая птица -
в смятенье и скорби глядит сквозь границы
в бескрайний простор азиатских степей,
где в смене эпох полыхает мятеж
и грозные армии широкоскулых
раскосых племён, покидая аулы,
встают на голодный кровавый рубеж,
мечты о земле и достатке лелея...
Над миром тревожная тень Водолея
и трепет надежд...

7 место

Конкурсное стихотворение номер 75.

В булочную

Храни Господь двух бабушек бумажных

(и с ними иже всех, кто будет стар)
Когда они форсируют отважно
Бурлящий после ливня тротуар.

Когда они плывут в людском потоке,
Не слышащем, не видящем ни зги,
Убереги пергаментные щёки,
Их шелестящий шаг убереги.

На мокрой, скользкой, как стекло, брусчатке
Листов опавших вдоволь настели,
Вложи им силы в сухонькие лапки,
Уменьши притяжение земли,

Притормози Пежо, чтоб не обрызгал,
Развей туман густой, как молоко.
Им до Тебя добраться - близко-близко.
До булочной треклятой далеко.

8 место

Конкурсное стихотворение номер 206.

Деревенское

В деревне, где полёвки да кроты
гораздо многочисленней, чем люди,
ворочает разбухшие пласты
пшеничный бог, мечтающий о чуде,
не зная, доживёт ли до весны
в краю, где смерть гуляет в снежной маске,
где женщины в тулупах расписных
заводят огнедышащие пляски,
где пасечник сноровистый жужжит,
в бутылки разливая медовуху -
унять тревогу, вечную, как жид,
залить непобедимую разруху;
на улице, подмяв собой кусты,
лежит оцепенелая корова
и повторяет голосом густым
простое переливчатое слово.
Из темноты идёт большой пастух
с кнутом, огнём, со взглядом вертухая...
...и безголовый носится петух,
рассвет неумолимый возглашая.

9 место

Конкурсное стихотворение номер 60.

I век н.э.

Тех, кто стремился к свету,
кого тяготила судьба
твари, амебы, раба,
кто жаждал скользнуть по нагретой солнцем воде,
любить ли, владеть, раздавать хлеба,
творить, попирая смерть,
а может взлететь незримым над пламенем Рима,
смеясь,
как будто он Марс,
или червь, но с именем Марса –

их славил серая масса...

Но смыло небесную твердь дождями, словами, слезами
в античный поток Геллеспонта;
И образы, став образами, осели на стены.

А тех, разрывающих вены
в паденьи без крыл с высоты,
их всех перекладина горизонта
на миг превращала в кресты, уводя в прошедшее время,
известное тем,
что запанибрата со всеми,
и точно «на ты» с покрытым уже расстоянием,

где, в точке земного касанья,
героев средь пошлой толпы
встречал в черной траурной тоге
паромщик Харон, говоря:
- Под ликами идолов разных
вы часто
искали в бессмертье дорогу,
забыв про исход бытия и неотвратимость порога,
где - триединством Бога -
Стикс, переправа и я.

10 место

Конкурсное стихотворение номер 232.

Линия связи

В час, когда бог осознал что разведка врёт,
В час, когда пушечный залп освятил мечеть,
Небо над Питером сделало шаг вперёд,
Хмурым косым дождём отдавая честь.

Фрицы из фильмов кричали "тавай, тавай".
Небо вжималось в позёмку, как смертник в дот.
Если на горло удавкой легла Нева,
Хватит ли сил, чтобы сделать последний вдох?

Рухнет на плечи разорванный пулей нимб.
Ляжет на сердце пробитый штыком валет.
Как я мальчишкой пытался бежать за ним
С грузом своих десяти пулемётных лет!

Вечность скрипит окровавленным льдом в горсти.
Что нам эпохи, когда на часах зеро?
Буркни хотя бы спасибо, что я гостил,
Раз уж ты снова идёшь без меня на фронт.

Женщина в красном, о, как вам идёт плакат!
Память пятнает бетонную плоть стены.
В мире моём не бывает иных блокад,
Как не бывает "Второй мировой войны".

Небо над Питером режет по нам - живым,
Мёртвые стиснули зубы и держат связь.

Гришка Распутин уходит на дно Невы,
Так и не смыв ни святость свою, ни грязь.